

ЖИЛИЩНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЕЛШАНСКОЙ РАННЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2020

Андреев К.М.

Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. Жилищные сооружения, как и другие конструктивные составляющие культурного слоя археологических стоянок, имеют большое значение для понимания специфики памятника и последующих социально-экономических реконструкций в рамках культур и отдельных поселений. На стоянках раннего неолита лесостепного Поволжья на данный момент выявлено ограниченное количество жилищ. В то же время культурно-хронологическая атрибуция некоторых из них нуждается в дополнительной аргументации. В рамках представленной статьи будет дана краткая характеристика всем жилым сооружениям елшанской культуры и представлено дополнительное обоснование некоторых ранее приведенных положений. К ранне-неолитическим жилищным комплексам лесостепного Поволжья надежно могут быть отнесены жилища, исследованные на стоянках Вьюново озеро I, Имерка VII и Утюж I, а также с некоторыми допущениями – жилище стоянки Луговое III. Необходимо отметить, что отнесение жилого сооружения стоянки Лебяжинка IV к раннему неолиту нуждается в дополнительной аргументации и, по мнению автора, его, на данном этапе изучения, уместнее связать с развитым и поздним неолитом региона. Жилища елшанской культуры являлись слабо углубленными в материк легкими каркасными конструкциями и не имели выраженной системы в расположении ям и закономерностей в расположении очага или входа-выхода. На основании проведенной работы возможно предположить, что площадь жилых сооружений елшанской культуры увеличивается от ранних к поздним этапам развития. В связи со специфической моделью жизнеобеспечения елшанского населения, предполагавшей систематическую смену места проживания, они функционировали короткое время. Судя по имеющимся данным, с периодом проживания елшанского населения на одном месте связано использование ограниченного количества посуды (1–3 сосуда), а следовательно, поселения с относительно крупными коллекциями керамики, скорее всего, посещались многократно раннеолитическим населением.

Ключевые слова: археология; лесостепное Поволжье; археологические памятники; ранний неолит; елшанская культура; жилищные сооружения; конструкция жилищ; стратегия жизнеобеспечения; охотники-собиратели; сезонные передвижения населения; радиоуглеродное датирование; абсолютная хронология.

DWELLINGS OF THE ELSHAN EARLY NEOLITHIC CULTURE

© 2020

Andreev K.M.

Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

Abstract. Dwelling is the most important source, revealing the details of social structure, economy, technical traditions and is of key importance for understanding society. Only a limited number of dwelling complexes which can be reliably interpreted as early Neolithic and classified as the Elshan culture have been identified. Moreover, the cultural and chronological attribution of some interpreted as early Neolithic dwellings, in our opinion, is not sufficiently reasoned. In this paper data on all Elshan residential buildings is combined and a brief interpretation is given, as well as some of the previously mentioned provisions are disclosed in more detail. To the early Neolithic in the forest-steppe Volga region, with a high degree of probability, only dwellings identified on the sites of Vyunovo ozero I, Imerka VII and Utyuzh I, with certain reservations, the dwelling of the Lugovoe III site, with the same reservations, the residential structure investigated at the Lebyazhinka IV site, can be classified with a high probability. Most likely, it belongs to the developed and late Neolithic of the region. In general, the dwellings of the Elshan culture were light frame structures, slightly deepened into the mainland, such as a hut, without a visible system in the location of pillar holes. Probably, but not doubtfully, the area of residential buildings of the Elshan culture increased from early to late stages of its development. In connection with the specific life support model of the Elshan population, which implied a systematic change of place of residence, they functioned for a short time. Judging by the available data, the use of a limited number of dishes (1–3 vessels) is associated with a period of Elshan population residence in one place, and, therefore, settlements with relatively large collections of ceramics were most likely visited many times by the Neolithic population.

Keywords: archeology; forest-steppe Volga region; early Neolithic; Elshan culture; dwelling facilities; dwelling construction; life support strategy; hunter-gatherers; seasonal population movements; radiocarbon dating; absolute chronology.

Введение

Жилище – важнейший источник, раскрывающий детали социальной структуры, экономики, технических традиций и имеющий ключевое значение для понимания социума [1, с. 79]. Жилищных комплексов, которые достаточно надежно могут быть интерпретированы в качестве раннеолитических и отнесены к елшанской культуре, к настоящему моменту

выявлено ограниченное количество. При этом культурно-хронологическая атрибуция некоторых интерпретированных в качестве раннеолитических жилищ, на наш взгляд, недостаточно аргументирована. В предлагаемой статье будут объединены данные по всем елшанским жилым сооружениям и дана их краткая характеристика, а также подробнее раскрыты некоторые ранее приведенные положения [2, с. 73–80].

Источники

На стоянке Выюново озеро I [3, с. 196–197] выявлено жилище подквадратной формы размерами 5×4 м, общая площадь около 20 м^2 (рис. 1: 1). Конструкция была незначительно (15–20 см) углублена в материк с прогибом к центральной части. Внутри сооружения и за его пределами прослежены столбовые ямы, в расположении которых не установлено какой-либо системы. Вход-выход из жилища был ориентирован на северо-восток вдоль края террасы. Помимо столбовых ям, во внутренней части были зафиксированы два больших углистых пятна, расположенные у южной стены и в районе входа-выхода, которые, вероятно, являлись очагами. На основании незначи-

тельной углубленности в материк и отсутствия системы в расположении столбовых ям можно допустить, что это была наземная каркасная конструкция, типа шалаша, просуществовавшая относительно недолго. Важно заметить, что обнаруженные на других участках раскопа фрагменты ямочно-ребенчатой керамики и материалы эпохи бронзы в заполнении жилищного котлована не были выявлены. В то же время на дне жилища исследован развал ранненеолитического сосуда и небольшая коллекция кремневых изделий. Согласно радиоуглеродным данным, время обитания ранненеолитического населения на площадке памятника может быть отнесено к последней четверти VII тыс. до н.э. [4, с. 111].

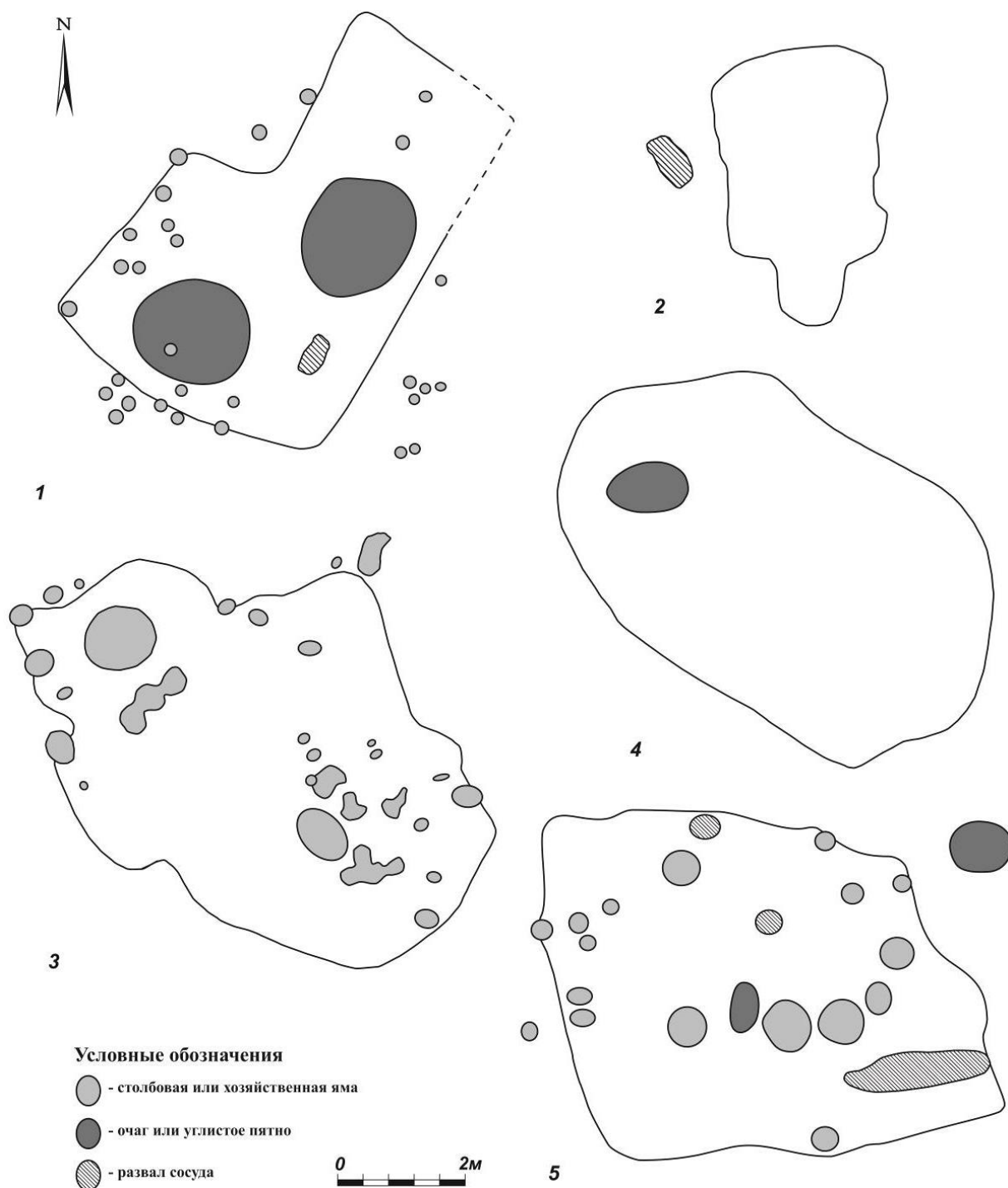

Рисунок 1 – Жилищные комплексы елшанской ранненеолитической культуры.
1 – Выюново озеро I; 2 – Утюз I; 3 – Имерка VII; 4 – Луговое III; 5 – Лебяжинка IV

На стоянке Утюж I исследовано близкое вышеописанному сооружение [5, с. 266–274]. Жилище подпрямоугольной формы имеет размеры примерно $3,7 \times 2,6$ м, общая площадь около 10 м^2 и углублено в материк на 10–20 см (рис. 1: 2). Котлован ориентирован по линии север-юг вдоль края террасы, вход-выход был организован в южной части и имеет вид небольшого коридора. На уровне материка внутри и за пределами жилища было выявлено несколько столбовых ям, не образующих какой-либо системы, очагов не обнаружено. По всей видимости, постройка являлась наземной столбовой конструкцией, типа шалаша, которая эксплуатировалась относительно непродолжительное время. Стоит отметить нахождение в вышележащих горизонтах памятника находок эпох позднего неолита–энеолита, в этой связи допустимо предположить, что конструкция имела большие размеры, чем зафиксированные на уровне материка, однако его первоначальные очертания были нарушены в ходе последующего заселения площадки памятника и не читаются в вышележащих горизонтах. В то же время непосредственно в заполнении жилища, на материке, обнаружены фрагменты ранненеолитических сосудов, а также к западному краю котлована примыкало небольшое углубление, в котором выявлен развал ранненеолитического сосуда. Необходимо подчеркнуть, что описанное сооружение отличается от ранее обнаруженного на памятнике жилища с накольчатой керамикой, которое имеет по сравнению с ним большие размеры и значительно углубленную в материк конструкцию [6, с. 14–23; 7, с. 41–72]. Ранненеолитический комплекс памятника получил надежную серию дат, относящихся к середине VI тыс. до н.э. [8, с. 112].

На стоянке Имерка VII [8, с. 34] выявлено жилищное сооружение подовальной формы, размерами, судя по публикации, около $8 \times 4,5$ м, общая площадь примерно 36 м^2 (рис. 1: 3). Конструкция слегка углублена в материк (13–20 см), стенки ямы пологие, дно неровное, плавно повышающееся в юго-восточном направлении. На полу жилища и в непосредственной близости от его контура выявлено 26 ям, которые сконцентрированы в западной и восточной частях котлована, какой-либо системы в их расположении не установлено. Вход-выход был расположен, по всей видимости, в северо-западной части сооружения и ориентирован вдоль края террасы. Показательно, что данная конструкция имела отличную от остальных сооружений, исследованных на памятнике, в заполнении которых выявлена гребенчатонакольчатая керамика, ориентировку и размеры. На дне описанного жилища были исследованы три развала неорнаментированных сосудов, а в его заполнении и в околожилищном пространстве также обнаружена только неорнаментированная или украшенная разреженными наколами и тычками керамика. По ранненеолитическим материалам стоянки получено несколько радиоуглеродных дат, которые относятся к последней четверти VII тыс. до н.э. и к последней четверти VI тыс. до н.э. [9, с. 103].

На стоянке Луговое III [10, с. 13–15] выявлено жилищное сооружение подквадратной формы, вытянутое по длине мыса по линии юго-восток – северо-запад, с прямыми длинными и выпуклыми короткими сторонами, размерами $7,5 \times 4,7$ м и общей пло-

щадью около 35 м^2 (рис. 1: 4). Пол жилища был слегка (на 20–30 см) углублен в материк, вход-выход располагался в юго-восточной части. В северо-западном конце помещения, на его полу, обнаружен углубленный на 40 см овальный очаг диаметром около 1,5 м. Наиболее насыщенным материалом на памятнике являлось заполнение жилищного котлована. Среди фрагментов керамики абсолютно преобладали неорнаментированные или украшенные ямками-жемчужинами черепки, в то время как накольчатая и гребенчатая посуда составляла незначительный процент. Обозначенные обстоятельства позволяют нам с высокой долей вероятности отнести выявленное на памятнике жилище к раннему неолиту, а именно к позднему этапу развития елшанской культуры – луговскому типу. По фрагментам плоскодонного сосуда с ямочным орнаментом под срезом венчика получена дата, относящаяся ко второй четверти VI тыс. до н.э. [11, с. 122], близкие датировки имеют сосуды данного типа других стоянок лесостепного Поволжья [12, с. 133].

К раннему неолиту Н.В. Овчинниковой отнесено жилище, исследованное на стоянке Лебяжинка IV [13, с. 220–229]. Оно имеет форму неправильного четырехугольника, общая площадь около 35 м^2 (рис. 1: 5). Котлован углублен в материк на 30–35 см и в профиле имеет блюдцеобразную форму с пологими стенками, дно ровное. Контур северной стенки фиксируется нечетко, восточная – имеет волнистые очертания. На дне жилища обнаружен очаг и 17 ям, а также развалы сосудов, кремневые и костяные изделия. Стоит отметить, что на стоянке Лебяжинка IV, на относительно небольшой вскрытой площади, представлено значительное количество материала, относящегося к различным периодам развития неолита–энеолита лесостепного Поволжья [14, с. 107–155], что затрудняет культурно-хронологическую интерпретацию хозяйственных комплексов, выявленных на памятнике. Также показательно, что среди развалов, обнаруженных на дне жилища, представлены горшки со сложной системой орнаментации насечками, покрывающими всю внешнюю поверхность сосуда, данная традиция орнаментации нехарактерна для раннего неолита и получает развитие на его поздних этапах. Также абсолютные датировки, полученные по развалам данных сосудов, относятся уже к третьей-четвертой четвертям VI тыс. до н.э. [15, с. 206]. Кроме того, в заполнении жилищного котлована обнаружены наконечники стрел, изготовленные в технике двусторонней обивки, и рубящие орудия со следами шлифовки, которые также не встречаются в чистых ранненеолитических кремневых коллекциях. Исходя из сказанного, рассматриваемое жилище стоянки Лебяжинка IV, скорее всего, относится к развитию и позднему неолиту региона, а не к его ранним этапам.

На остальных ранненеолитических памятниках комплекс елшанской культуры зачастую выделяется типологически из смешанной коллекции, в связи с чем культурно-хронологическая атрибуция конструктивных элементов, выявленных при исследовании культурного слоя, невозможна. Также в культурном слое стоянок, содержащих ранненеолитические материалы, исследованы лишь отдельные ямы и очаги или участки наибольшей концентрации материала, но выраженных жилищных западин не обнаружено (например, Красный Городок [16, с. 26–27]).

Обсуждение

В представленных жилых сооружениях не прослеживается какой-либо системы в расположении столбовых ям, данное обстоятельство косвенно свидетельствует об отсутствии строгой планировки внутреннего пространства и каркаса конструкции. Как отмечалось выше, скорее всего, жилища елшанской культуры представляли собой легкие постройки, типа шалаша, в процессе создания которых нет необходимости в «стандартизации» расположения элементов конструкции. В целом, отсутствие в культурных слоях ранненеолитических стоянок лесостепного Поволжья каких-либо следов углубленных долговременных сооружений, по всей видимости, свидетельствует о высокой мобильности елшанского населения, совершавшего систематические переходы. Данное обстоятельство подтверждает точку зрения, предложенную А.Е. Мамоновым, об отсутствии долговременного проживания елшанского населения на одном месте в связи со специфической формой хозяйственной деятельности, предполагающей эксплуатацию различных экологических ниш в сезонном ритме [17, с. 159].

Имея в виду хронологическое положение рассмотренных комплексов, можно отметить, что на наиболее ранних стоянках елшанской культуры преобладают жилые сооружения небольшой площади (15–25 м²), и их площадь постепенно увеличивается, достигая 35 м² на поздних памятниках. Необходимо отметить, что увеличение площади сооружений продолжается и в развитом неолите региона: так, площадь жилища с посудой, украшенной накольчатыми вдавлениями, стоянки Утюж I достигает 50 м² [7, с. 45].

На стоянках Вьюново озеро I [3, с. 195–201] и Имерка VII [8, с. 34–36] в обозначенных жилищах были выявлены относительно «чистые» комплексы ранненеолитического кремня и керамики. На первой – развал и фрагменты еще примерно от 5 сосудов, а также 22 изделия из кремня, а на второй – три развала и фрагменты примерно от 9 сосудов, а также около 150 изделий из кремня. На стоянке Утюж I [5, с. 266–274], в связи с присутствием выразительной коллекции находок развитого неолита–энеолита, типологически выделяется только ранненеолитический керамический комплекс, рассеянный по всей исследованной площади, с околососудным пространством и заполнением жилища связаны развал сосуда и фрагменты примерно от 5–8 горшков. В свою очередь, на стоянке Луговое III [10, с. 10–16], исследованной в начале 70-х годов XX века, по объективным причинам (методика работ того времени и последующие условия хранения коллекции), на данный момент, выделить комплекс керамики и кремня, связанный с заполнением жилищного котлована, не представляется возможным, в целом на памятнике выявлены фрагменты примерно от 250 сосудов.

Ограниченная коллекция кремня и керамики стоянок Вьюново озеро I и Имерка VII свидетельствует о кратковременном проживании на них ранненеолитического населения. По всей видимости, стоянки Вьюново озеро I, а также, скорее всего, Утюж I являются памятниками «разового» или «однократного» посещения. Принимая во внимание количественные показатели выявленного материала, можно допустить, что Имерка VII посещалась ранненеолитическим населением также не более нескольких раз. Исходя из данного обстоятельства, мы можем доста-

точно обоснованно предположить, что памятники, содержащие представительные коллекции ранненеолитической керамики и кремневых изделий (например, Чекалино IV [18, с. 3–25], Нижняя Орлянка II [19, с. 50–65] и др.), функционировали в течение нескольких сезонов и посещались ранненеолитическим населением многократно. Учитывая замедленное осадконакопление и процессы зоо- и педотурбации на древних поселениях, этапы проживания на стоянках не фиксируются стратиграфически. Предложенную гипотезу о многократном посещении одних и тех же мест, а не о длительном стационарном проживании на них подтверждают не только материалы описанных памятников с выявленными жилищами, но и комплекс стоянки Красный Городок [16, с. 25–50], содержащий фрагменты всего 9 сосудов и 634 изделия из кремня, при этом, согласно мнению автора данных строк, кремневый комплекс памятника не является гомогенным, в нем присутствует мезолитическая примесь. Примечательно, что на данной стоянке выявлено два развала сосудов, а остальные представлены единичными фрагментами. В этой связи интересно меткое наблюдение В.В. Ставицкого, применимое к комплексу данной стоянки и материалам, рассмотренным выше: «хорошо сохранившиеся развалы обычно маркируют финальный этап существования поселения... были оставлены перед самым уходом и поэтому не были растоптаны и растасканы по всей площади стоянки» [20, с. 45]. Таким образом, на основании данных, полученных для жилищных комплексов стоянок Вьюново озеро I, Утюж I, Имерка VII, дополненных материалами Красного Городка, можно допустить, что ранненеолитическим (елшанским) населением в ходе кратковременного проживания на одном месте использовалось небольшое количество сосудов, а именно 1–3, которые зафиксированы в развалах. Аналогичная ситуация наблюдается и на ранненеолитических памятниках Верхнего Дона [21, с. 75]. Данное обстоятельство подтверждает гипотезу о многократном посещении стоянок с представительными ранненеолитическими керамическими коллекциями.

Выводы

К раннему неолиту в лесостепном Поволжье с высокой долей вероятности могут быть отнесены лишь жилища, выявленные на стоянках Вьюново озеро I, Имерка VII и Утюж I, с определенными оговорками – жилище стоянки Луговое III, в то же время жилое сооружение, исследованное на стоянке Лебяжинка IV, по всей видимости, относится к развитому и позднему неолиту региона. В целом, жилища елшанской культуры представляли собой легкие каркасные конструкции, слабо углубленные в материк, типа шалаша, без видимой системы в расположении столбовых ям. Вероятно, но небесспорно, площадь жилых сооружений елшанской культуры увеличивается от ранних к поздним этапам развития культуры. В связи со специфической моделью жизнеобеспечения елшанского населения, предполагающей систематическую смену места проживания, они функционировали короткое время. Судя по имеющимся данным, с периодом проживания елшанского населения на одном месте связано использование ограниченного количества посуды (1–3 сосуда), а следовательно, поселения с относительно крупными коллекциями керамики, скорее всего, посещались многократно ранненеолитическим населением.

Список литературы:

1. Сидоров В.В. Реконструкции в первобытной археологии. М.: Ин-т археологии РАН: ТАУС, 2009. 216 с.
2. Андреев К.М., Выборнов А.А. Ранний неолит лесостепного Поволжья (елшанская культура). Самара: ООО «Порто-Принт», 2017. 272 с.
3. Березина Н.С., Выборнов А.А., Ставицкий В.В., Березин А.Ю. Раннеолитическая стоянка Вьюново озеро I в Среднем Посурье // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Тверь: Триада, 2013. С. 195–201.
4. Выборнов А.А., Березина Н.С., Березин А.Ю. Хронология неолита Посурья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э. Смоленск: Свиток, 2016. С. 107–115.
5. Андреев К.М., Березина Н.С., Березин А.Ю., Выборнов А.А., Королев А.И., Сидоров В.В. Раннеолитический керамический комплекс стоянки Утюж I (по материалам раскопок 2011–2012 годов) // Тверской археологический сборник. Вып. 10, т. 1. Тверь: Изд-во Триада, 2015. С. 266–274.
6. Березина Н.С., Вискалин А.В., Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В. Охранные раскопки многослойного поселения Утюж 1 на Суре // Самарский край в истории России. Вып. 3. Самара: Изд-во Самарского областного краеведческого музея, 2007. С. 14–23.
7. Вискалин А.В., Березина Н.С., Березин А.Ю., Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В., Коноваленко А.В. Исследования многослойного поселения Утюж 1 на Суре // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Кн. 2. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. С. 41–72.
8. Ставицкий В.В. Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. Пенза: Пенз. гос. объединен. краевед. музей, 1999. 196 с.
9. Выборнов А.А., Ставицкий В.В., Кулькова М.А., Ойнонен М., Посснерт Г. Радиоуглеродные данные к хронологии неолита Примокшанья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э. Смоленск: Свиток, 2016. С. 97–106.
10. Буров Г.М. Каменный век Ульяновского Поволжья. Ульяновск: Поволжское книжное изд-во, 1980. 120 с.
11. Выборнов А.А., Вискалин А.В. Радиоуглеродные данные по неолиту Ульяновского Поволжья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э. Смоленск: Свиток, 2016. С. 116–122.
12. Андреев К.М., Выборнов А.А., Кулькова М.А., Храмов Д.Ю. К вопросу об абсолютной хронологии керамики луговского типа // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 3 (28). С. 132–135.
13. Овчинникова Н.В. Неолитическое жилище на поселении Лебяжинка IV в лесостепном Заволжье // Тверской археологический сборник. Вып. 7. Тверь: Триада, 2009. С. 220–229.
14. Выборнов А.А., Мамонов А.Е., Королев А.И., Овчинникова Н.В. Неолитическая керамика стоянки Лебяжинка IV в лесостепном Поволжье // Вестник СГПУ. Исторический факультет. Самара: СГПУ, 2007. С. 107–155.
15. Андреев К.М., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Новые радиоуглеродные даты комплексов неолитической керамики поселения Лебяжинка IV // Известия Самарского научного центра РАН. 2018. Т. 20, № 3. С. 203–207.
16. Кузьмина О.В., Ластовский А.А. Стоянка Красной Городок // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара: СГПУ, 1995. С. 25–50.
17. Мамонов А.Е. Елшанская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 147–176.
18. Мамонов А.Е. Елшанский комплекс стоянки Чекалино IV // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара: СГПУ, 1995. С. 3–25.
19. Колев Ю.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е. Многослойное поселение эпохи неолита – позднего бронзового века у с. Нижняя Орлянка на р. Сок // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара: СГПУ, 1995. С. 50–110.
20. Ставицкий В.В. Хронологическое соотношение елшанской керамики с коническим и плоским дном // История и археология. 2014. № 11. С. 43–47.
21. Смольянинов Р.В. Постройки эпохи раннего неолита на Верхнем Дону // Самарский научный вестник. 2016. № 1 (14). С. 72–76.

Статья публикуется при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10001) «Этно-культурное взаимодействие населения Среднего Поволжья в каменном веке (мезолит-энеолит)».

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
Андреев Константин Михайлович , кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и археологии; Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация). E-mail: konstantin_andreev_88@mail.ru.	Andreev Konstantin Mikhailovich , candidate of historical sciences, associate professor of Domestic History and Archeology Department; Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation). E-mail: konstantin_andreev_88@mail.ru.

Для цитирования:

Андреев К.М. Жилищные комплексы елшанской раннеолитической культуры // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9, № 3. С. 189–193. DOI: 10.17816/snv202093202.